

УДК 161

ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: БИОЭСТЕЗИС И ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА

В. В. Буряк

В работе поставлена проблема актуальности перспектив фундаментальных трансформаций человека как биологического вида в связи с экспоненциальным развитием высоких технологий. Определяются направления реализации проекта «управляемой эволюции» и последующего радикального изменения биологии, ценностей и образа человека, какими они сформировались в эпоху модерна.

Ключевые слова: человек, философская антропология, технологическая сингулярность, киборг, биоэстезис.

Актуальность исследования заключается в изучении перспектив фундаментальных трансформаций человека как биологического вида в связи с экспоненциальным развитием так называемых «высоких технологий». Основная *проблема* работы состоит в выявлении рисков, которые возникают в случае реализации проекта «управляемой эволюции» и последующего радикального изменения биологии, ценностей и образа человека, какими они сформировались в эпоху модерна. *Целью* статьи является экспликация возможных последствий реализации информационных технологий, биотехнологий и иных технологий по изменению природы человека.

ФИЛОСОФСКОЕ АНТРОПОЛОГИЯ В ПОИСКАХ «СУЩНОСТНЫХ СИЛ ЧЕЛОВЕКА»

Философская антропология, как она сложилась в рамках европейской философии XX века, изначально определила свою цель как поиски «сущности» человеческого бытия. В различных вариантах, от Шелера и Хайдеггера до Гелена и Ландмана, философская антропология постулировала наличие неких устойчивых и «эссенциальных» / «экзистенциальных» качеств «человеческого, слишком человеческого», которые можно выделить и очистить от натуралистических, социальных и других наслоений. Для этого необходимо было найти адекватный метод обнаружения скрытых глубинных «подлинно человеческих» качеств. По сути это архаический аристотелевский качественный подход, только применяемый не к природе в целом (*physis*), а только к её части – человеку (*anthropos*).

Независимо от авторских вариантов философской антропологии (моделей человека), включая марксистские, экзистенциалистские, персоналистские и другие интерпретации [5, с. 13], предполагалось, что существует какая-то «объективная истина о человеке», которую можно обнаружить и точно описать. Лингвистическая философия, а впоследствии постструктурализм показали, что речь может идти лишь о тех или иных описаниях «образа человека», что не является по существу репрезентацией «сущности», но есть лишь «обратная перспектива» существующих

на данный момент господствующих в культуре дискурсов. Отсюда и парадоксальное экзотическое антропологическое определение – «человек есть текст». Короче говоря, кульминацией философствования о человеке к концу XX века оказалось фундаментальное сомнение в возможности экспликации фундаментальных человеческих качеств, которые полагались ситуативными и неverifiedируемыми в принципе. «Природа человека» была одним из общепринятых клише эпохи модерна, точнее, эпохи Просвещения. Одной из сильных версий «спасения» философской антропологии стал интервальный подход. Через конструирование мета-антропологии и концепции «многомерного человека» [5, с. 13 - 22] проявилась попытка сохранить основной предмет классического антропологического дискурса в условиях постструктуралистско-постмодернистского релятивизирующего скепсиса, что рассматривается как серьёзная эпистемологическая угроза для всего процесса познания и представлений об устойчивых человеческих качествах.

Явно или неявно во всех версиях антропологии сохранялась «философская вера» в то, что есть некие инвариантные ментальные, моральные, эстетические, экзистенциальные, социальные качества, которые передаются «генетически» от поколения к поколению, от культуры к культуре. Эти характеристики видятся достаточно устойчивыми, неизменными и воспроизводимыми. Искажения, происходящие в том или ином социокультурном контексте, временны, поверхностны и в принципе устранимы. Необходимо лишь применить «правильное» «лекало» религиозного или светского гуманизма и провести курс социогуманитарной «ортопедии». Отсюда риторика о «духовности», «гуманизме», «демократии», «либерализме». Это создаёт иллюзию реализации «антропологической утопии», на основе толерантности и всеобщего аксиологического консенсуса, где человек обретёт свою «подлинность», утраченную в исторических перипетиях «сущность» и «человеческую природу». Представления о «подлинных основаниях» человеческого существования связаны с формированием новоевропейского мышления. «В понятии «наука о человеке», возникшем в XVIII в., объединились несколько разных денотатов. Слово «природа» содержало отсылку к сути, или сущности, вещи к тому, что делает эту вещь самой собой. Используя слово в данном смысле, христианская мысль создала иерархическую последовательность «природа», или цепь существ. Вслед за этим в Европе Нового времени слово «природа» стало использоваться для обозначения такого состояния мира (и человека в том числе), которое было независимым от человека или предшествовало созданию им обычаев и цивилизации. Такое значение противопоставляло «природу» не человеку, а «цивилизованному обществу»; в этом значении слово активно использовалось как в политических концепциях о природном состоянии человека, так и в дискуссиях по вопросу о том, является ли человек в естественном состоянии существом «общественным» или он «индивидуалист» [7, с. 25].

Классическая философская антропология находится в кругу этой антропологической проблематики. Поэтому она во многом ретроспективна и консервативна, тяготеет к поиску, восстановлению и укреплению представлений о

наличии некой универсальной системы фундаментальных человеческих качеств и ценностей.

ОТ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА К АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМУ НИГИЛИЗМУ

Двадцать четыре века тому назад Сократом был произведён так называемый «антропологический поворот», благодаря которому человек как предмет философского дискурса стал «равновеликим» таким предметам, как природа и бытие. С этого момента «истина о бытии» и «истина о человеке» оказались рядоположены, принципиально незавершены, открыты, перформативны относительно друг друга.

В послесократовской философско-антропологической традиции попытки «жёсткого» определения сущности человека не привели к какому-либо завершённому результату. «Двуногое без перьев» - Платона, *dzoon politicon* – Аристотеля, *homo humanissimus* - Цицерона, *homo sapiens sapiens* - Линнея, *homo metaphisicus* – Шопенгауэра, *homo viator* - Марсея, *homo ludens* - Хейзинги и многие другие дефиниции так и не стали окончательными. К сегодняшнему дню этот список насчитывает многие десятки определений. Все эти попытки указать «самое главное» в человеке были направлены на выявление так называемых «сущностных характеристик» человеческого бытия и в конечном счёте оказывались очередной модификацией аристотелевско-гегелевского «эссенциализма», то есть уверенности в том, что существует некое устойчивое, тождественное самому себе антропологическое основание, сводимое к одному или нескольким базовым характеристикам (добро / зло, разум, греховность, свобода, альтруизм и т. д.).

В европейских антропологических концепциях явственно просматривается аксиоматика «индивидуальности» (*лат. individuum* - *неделимый*), т. е. рефлексивности, вмняемости, самотождественности человека. Такова ситуация, характерная для европейской философии от Сократа и вплоть до завершения эпохи модерна.

Эссенциалистский подход в понимании человека, как в целом, так и в сфере философской антропологии, подвергся во второй половине XIX века резкой критике со стороны марксизма и экзистенциализма. Нестационарность, социальная контекстуальность, диффузность «человеческого», редуцирование человеческих качеств к исторически определённом «ансамблю общественных отношений», активная жизненная позиция, в основе которой лежит классовая идеология - вот антропология Маркса. Радикальный субъективизм в деле истолкования существа человека, с неременной «отменой» сущности (*essentia*) человека, и постановка вопроса о его существовании (*existentia*) – таков «антропологический поворот» Кьеркегора.

Тем не менее, устойчивая иллюзия относительно отдалённой, но весьма привлекательной цели - открыть «тайну» того, чем является человек, осталась как в академической традиции философии, так и за её пределами.

Философский и интеллектуальный истеблишмент начала XX века оказался шокирован хорошо фундированной гипотезой Фрейда о бессознательном основании психики человека. Была «переписана» топология психики и дезавуировано «центральное» местоположение в ней субъекта Декарта-Канта-Гегеля. «Единый и

неделимый», интеллектуально ясный и как будто бы эпистемологически прозрачный картезианско-кантианский субъект был «расщеплён» психоаналитическим дискурсом. Обнаружились: изначальная и тотальная конфликтность психических инстанций (*id, ego, super-ego*); принципиальная неконвертируемость и трансверсальность («перпендикулярность», *разнонаправленность*). Поставлены под сомнение телеология и стратегии когнитивной деятельности в целом.

Значительно усилен был антиэссенциалистский тезис эпистемологии о сомнительности не только «сущностных» оснований бытия и метафизических констант человеческого существования, но и фундаментальной определённости таких когнитивных инстанций как: «я», «я - мыслю», «я – точно знаю», «именно я именно этого желаю», и других, основанных на рационалистической эпистемологии субъекта автономного волеизъявления. Дальнейшее «сущностное» (эссенциалистское) конструирование «субъекта», «человека», «личности», «индивидуума» стало совершенно бесперспективным.

Европейская традиция академической философской антропологии от Шелера и Кассирера до Ландмана и Ротхакера, Фромма и Канетти, несмотря на сверхусилия, не добилась убедительных результатов в деле построения модели «целостного человека» [6]. Пожалуй, только Хайдеггер и Юнг смогли некоторым двусмысленным образом «сохранить тайну» о человеке, растворив его в бытии и архетипах коллективного бессознательного, предлагая каждому желающему заняться перманентной самоидентификацией.

Одним из последних истолкований человека (а точнее «исчезновения человека», «смерти человека») оказались постструктуралистско-постмодернистские «опыты» постантропологии. Лакан, Барт, Кристева, Фуко и другие мыслители, переосмысливая психоаналитическую и структуралистскую трактовки человека, довели до а/логического конца радикальное сомнение в отношении легитимности рассуждений о человеке как о целостном, тождественном себе и рационально мыслящем существе.

Редуцировав «сознание» к «текстуальности» («человек – есть текст», «человек – это плавающая точка дискурсивных практик», «человек есть пространство для письма» и т. д.), они попытались аннигилировать не только «сущность человека», но и саму мысль о человеке как таковом. По их мнению, это лишь вторичный, комбинаторный и преходящий (культурно-исторически обусловленный) языковой конструкт. Сначала Барт заявил о «смерти автора» [1], а затем уже Фуко смело констатировал «смерть субъекта» и «смерть человека» [8]. Эти экстравагантные высказывания, конечно же, относились к классическим картезианским и кантианским представлениям о человеке, о «человеке эпохи Модерна», о его «достоверном» и «ясном» сознании и самосознании. Но после критики «субъекта» и «сознания» были подвергнуты коренному пересмотру представления о «теле».

Появилась в философской антропологии тема «телесности». Симптоматика «ложного сознания» дополнилась и «перенаправилась» на ситуацию «ложной телесности». Фуко и Кристева дискутировали о значении текстуальных, социальных и телесных практик в деле формирования различных типов наличной телесности.

Они доказывали историческую обусловленность и детерминированность властными дискурсивными практиками гендерной идентичности. Делёз и Гваттари редуцируют человека к «машине желания», в основании которой – достаточно автономная спонтанная креативность (и субъективность). При этом «машины желания» не движутся «по трассе» с «дорожными знаками». Их «вектор движения» определяется только степенью (интенсивностью) их желания. Процессуальность желания перманентно воспроизводится импульсами, идущими из бессознательного.

Эти «машины» всегда находятся на острие либидинозных потоков, ризоматически пронизывающих общество. Эти «желающие машины» бессознательны и скорее механичны и «политэкономичны», не всегда антропоморфны и биологичны. Их «поведение» безлично, хаотично, спонтанно, и при этом отсутствуют «цели» и «смыслы» [3]. Конечно, такая «машина» - это уже не «антропос» и даже не «антропоид». Неизвестно, что лучше в ситуации постмодерного мышления – смириться со «смертью человека» или чистосердечно признать себя и окружающих «желающими машинами», «телами без органов», некими биомеханическими «болидами», несущимися «без руля и ветрил» по либидинозным туннелям в социуме.

Здесь любой вариант ответа на вопрос: «Что есть человек?» - более чем пессимистичен. Однако в постмодернистском мире не бывает «счастливого конца», есть лишь «судный день», но нет «воскрешения».

НОМО MOVUS ДЛЯ ФРАНКЕНШТЕЙНОВ XXI ВЕКА

В последние годы XX века и в начале XXI века открытия в области обработки информации, биологии, химии, физики создали предпосылки мыслить человека как существо, которое физиологически и когнитивно может быть изменено кардинальным образом. Настолько, что в отличие от *homo sapiens* стали изобретать новые «имена»: киборги, кибергуманоиды, биомеханоиды, биохимеры, и другие. Тенденции к синтезу биотехнологических экспериментов на клеточном и даже молекулярном уровне, атоморазмерных технологий (нанотехнологий), разработки искусственного интеллекта, новых высокотехнологичных материалов и новой энергетики позволяют предположить возникновение в ближайшее время «линий» зооморфных и антропоморфных организмов с более «продвинутым» интеллектом и более «продвинутыми» биологическими характеристиками.

В отличие от животных человеческое общество уже тысячи лет полноценно существует только в знаковой среде и «аксиологической системе координат». В своих целерациональных действиях человек опирается на моральные, эстетические и коммуникативные паттерны и регулятивы. Значительные и фронтальные изменения антропологических параметров - отнюдь не чисто технологические «дополнения» к существующим человеческим качествам. Это уже осознано теми, кто находится «на переднем крае» биотехнологического фронта. Человечество оказалось в ситуации «антропологического разрыва», «постантропологического выбора», а, следовательно, в зоне больших рисков. «Развивающиеся невиданными темпами технологии – и, в частности, биотехнологии – вынесли человечество далеко за пределы его культурной зрелости, чтобы оно могло построить свою

систему ценностей сообразно влиянию этих технологий на общество, представления о жизни и окружающую среду» [10, с. 148], – констатирует Йонат Цурр.

Уже более двух десятков лет учёными обсуждается гипотеза так называемой «технологической сингулярности», то есть достижения предполагаемой точки экспоненциального схождения высоких технологий (где-то около 2035 года). После прохождения этой гипотетической линии возможен высокотехнологический «взрыв», когда понимание (и, главное, – управление) технологической ситуации будет неадекватным, вследствие появления независимых интеллектуальных систем (искусственного интеллекта), более мощных, чем человеческий разум. Дискуссия о приближении технологической сингулярности была начата Винджем [12] и затем продолжена Курцвайлем [11]. Помимо многочисленных публикаций проводятся международные конференции по этой теме. Усилия участников направлены на «вычисление» и предупреждение рисков, связанных с появлением «постчеловека» с интеллектуальными и биофизическими характеристиками, намного превосходящими современных представителей вида *homo sapiens*.

Если предположить, что этот сценарий реализуется даже к 2050 году (хотя это может произойти и к 2030 году), то главным вопросом философской антропологии должно быть сегодня не сократовское вопрошание: «Что есть человек?», а ницшеанское: «Что есть сверхчеловек?» Или сегодня это может быть сформулировано так: «Каким быть (или не быть) сверхчеловеку?», или: «Кому быть, а кому никогда не бывать сверхчеловеком?». А может, так: «Что делать «сверхчеловеку» с «человеками»?». Ведь «обычный человек» автоматически становится «недочеловеком» ввиду существования «сверхчеловека». Новая евгеника – уже не только реликт расистской идеологии конца XIX и начала XX веков, это уже фактически практика, имеющая место в высокотехнологичных биологических лабораториях и центрах создания искусственного интеллекта. Неизбежны сдвиги в области моральных ценностей. «Нам приходится констатировать, что науки о человеке оказывают лишь слабое влияние на сложные реалии политики, этическую и эстетическую культуру. Принимаемые законодательные демократические решения, не говоря уже о чувствах населения, далеко не всегда совпадают с научно обоснованной политикой. Более того, сама наука – в особенности микробиология и генетика – в процессе «познания» человека создаёт условия для такого его кардинального изменения, что неизвестно, сможем ли мы продолжать называть его «человеком». Согласия и ясности по поводу соотношения науки с моральным дискурсом не было и нет. Разрушена вера в то, что «познание человека» приведёт к ясным понятиям о добре и зле» [7, С. 20], – предупреждает Р. Смит.

Адекватная трактовка «человеческого, слишком человеческого», в контексте стремительного развития высоких технологий предполагает радикальное дистанцирование от образа человека, принимаемого традиционной культурой в качестве неизменного образца. Представитель отечественной биоэтики А. Горлов даёт глубокий и развёрнутый анализ предпосылок и последствий новейших «техно-био-антропологических» проектов и возможных катастрофических последствий для цивилизации XXI века [2], Европейский антропологический дискурс – это всегда

некое фундаментальное сомнение в существующем положении дел, относящихся к бытию человеческому, и решительное опровержение предшествующих теоретических антропологических конструкций. Сегодня, помимо и новейших теоретических моделей человека, появилась реальная возможность создавать человека по произвольному дизайну, исключая, конечно, фундаментальные естественнонаучные «запреты». Проект «Фабрика красоты», впечатляющее преобразование тела и лица человека на основе достижений пластической хирургии, силиконовых имплантантов, это уже «вчерашний день» и находится в тени многообещающих тонких методов генетической инженерии и использования биокомпьютеров.

Если философская антропология хочет идти в ногу со временем, то наряду с классической проблематикой в поле её зрения должны появиться «биоинженерные» дискурсы. Конечно, можно сказать, что биоэтика как философская дисциплина находится на границе гуманитарного знания и естествознания и имеет большие достижения в промысливании человеческой ситуации в контексте развития высоких технологий. Однако, на наш взгляд, биоэтика во многом исходит из морально-нравственных аксиом философско-религиозной традиции. В актуальной философской антропологии следует учитывать возможность свободы для индивидуума выбирать себе «новую биотехнологизированную аватару», руководствуясь, скорее и в основном, не этическими и религиозными принципами, но в первую очередь эстетическими, эгоистическими, эротическими и гедонистическими предпочтениями. Разумеется, о «чистом», «самостийном» выборе не идёт речи.

В обществе потребления выбор обусловлен наиболее эффективными маркетинговыми стратегиями. Поэтому, скорее всего, появится множество жертв рекламных кампаний, соблазняющих радикально изменить антропологические характеристики человека, призывая к эстетизации внешности, максимизации сексапильности, молоджавости, обретению бессмертия, к значительному увеличению памяти, многократной оптимизации интеллектуальных способностей, зрения, слуха, обоняния, «дополнительных органов», информационных терминалов (фильм «Джонни Мнемоник»), «экстрасенсорных», «парапсихологических» и других реальных и сомнительных качеств. Здесь-то и обнаруживается наиболее драматический вызов эпохи высоких технологий – релятивизация не «представлений о человеке», а релятивизация биологии и физиологии человека.

Исходя из фундаментального права человека - быть тем, кем он хочет быть, какие-либо запреты на биологические и когнитивные изменения формально окажутся нарушением прав человека. Кто будет «ограничивать» или «регулировать» выбор телесности, гендерных предпочтений и интеллектуальных характеристик личности? И на каких основаниях? Каковы пределы осуществления управляемой эволюции человека (как, впрочем, и других биологических видов)? Как должны быть соотношены такие формы существования, как «естественная жизнь» («природный организм») и «искусственная жизнь» («сконструированный организм») – вот некоторые из главных вопросов. Нужно заметить, что эта

«интеллектуальная ниша» уже давно осваивается писателями в жанре «science fiction», кинематографистами и художниками направления *bio art* и *nano art*.

БИОЭСТЕЗИС КАК СУДЬБА

Последние на сегодня концепции философской антропологии учитывают технологический фактор, в частности, бурное развитие информационных технологий, биотехнологии и нанотехнологии. Получили широкую известность такие философско-технологические и вместе с тем антропологические по своей направленности движения, как «трансгуманизм», «экстропианство», научно-футуристические проекты «технологическая сингулярность» и *life boat*. Доныне для предшествующих направлений антропологической мысли явно или вторичным образом были присущи консервативность, примордиальность, ностальгия «по истокам» (даже в постмодернизме присутствует скрытая трагедия разрыва с традиционными константами человеческого бытия), признание эволюции и трансформаций «природы человека». А новейшие представления о биологической и социальной «судьбе человека» бескомпромиссно футуристичны.

Предпосылками для такого поворота стали новейшие технологические революции: *информационная, биотехнологическая и нанотехнологическая*. Дальнейшая миниатюризация носителей информации, многократное ускорение обработки и передачи данных позволили ускорить научный поиск, получить «технологический прорыв» в наиболее важных и перспективных научно-технических направлениях.

Благодаря успехам молекулярной биологии, геномики, протеомики и биоинформатики успешно завершён грандиозный проект «Геном человека». То есть создана полная карта генома человека и произведено его секвенирование (определение последовательности нуклеотидов во фрагментах ДНК). Биомедицина направленно и эффективно работает со стволовыми клетками, легко доступным и многообещающим резервом обновления тканей и органов, а возможно, и всего человеческого организма.

Возможности манипулирования отдельными атомами (нанотехнологии), конструирования веществ с заранее заданными свойствами открывают перед человечеством новые горизонты по изменению мира в целом и человека в частности. В области наномедицины к 40-м годам XXI в., как предполагается, будут созданы компьютеризированные молекулярные машины, «роботы-хирурги», находящиеся в клетках, системах и внутренних органах человека. Их функции разнообразны: слежение за тончайшими процессами (сканирование любой части организма), контроль физиологических процессов, предотвращение или устранение повреждений или заболеваний любого уровня сложности (включая генетические). Специалисты предполагают, что в недалёком будущем – в 40-50 годы XXI века вполне достижимо бессмертие людей благодаря введению в живые организмы молекулярных машин, предотвращение старения клеток, а также посредством реконструкции и «достройки» клеток человеческого тела. Конечно же, проект это не гарантированная медико-биологическая реальность. Тем не менее уже достигнутые результаты (сверхвыносливые генетически изменённые мыши и крысы, а также черви и мыши, живущие в несколько раз дольше, чем «положено» «обычным»

представителям их вида и проч.) позволяют надеяться на успешность многих исследований в области биологии человека. Нужно учитывать и то, что человек как существо эстетическое, не ограничится только функциональными дополнениями и улучшениями. Масштабность пластической хирургии, рекламная «раскрученность» биомедицины обретают «новое дыхание» благодаря новейшим технологиям. Сейчас можно говорить о биоэстетизме как наиболее перспективном «бренде» *life sciences*. Спасёт ли физическая красота человека и мир? Каковы каноны и пределы красоты эпохи биоэстетизма? Как возможен полноценный биоэстетизм с точки зрения биоэтики? Это далеко не полный список вопросов для современной философской антропологии.

Так ли уж неожиданно мы столкнулись с вмешательством человека в «естественные», «природные» процессы? Как известно, основными механизмами биологической эволюции являются изменчивость и отбор. Человек изначально влиял на систему естественного отбора двояким образом: выбирая нужные ему растения и животных, путём одомашнивания создавая искусственную флору и фауну, а с другой стороны, с помощью медицины позволял выживать тем людям, кто в естественных условиях не выжил бы. То есть генофонд человечества, благодаря «гуманитарным технологиям» искусственного отбора (особенно это очевидно на примере антибиотиков), постоянно ослабевает. Генетические дефекты не устраняются благодаря естественному отбору, но сохраняются и даже преумножаются из поколения в поколение. «Начиная с доисторических этапов развития земледелия, человек только тем и занимался, что формировал геномы различных биологических видов в соответствии со своими генетическими предпочтениями» ... «На протяжении долгого времени человек был не только создателем такого рода чудовищ [*генетически изменённых видов растений и животных* – В. Б.], но и самым настоящим «фагом» и / или потребителем своих творений. Одновременно с утолением голода он косвенным образом модифицировал и свой собственный организм. Сегодня, если бы мы употребляли в пищу «предков» тех или иных видов животных и растений, которые едим в настоящее время, для выживания нашим организмам потребовалось бы серьёзное генетическое «переоснащение». Нам пришлось бы просто дополнить свою «программу» фенотипами ранних гоминидов для того, чтобы обеспечить усвоение этой органики» [4, с. 95 - 96].

До последнего времени можно было говорить о локальном и спонтанном влиянии на эволюцию, во многом через пробы и ошибки, нерелексивно и без общего плана, не думая об отдалённых последствиях. Современная генетика, молекулярная биология и биотехнологии многократно усилили и ускорили влияние человека на эволюцию, причём тотальным образом, если говорить о ближайшей перспективе.

Однако есть и более радикальные проекты «управляемой эволюции человека»: внедрение в тело информационных систем, размещение микрокомпьютеров на белковых молекулах с целью повышения физической и интеллектуальной «производительности» человека. В области нанобиологии к 20-30 годам XXI века предполагается возможным создание живых существ *in vitro*, по типу андроидов,

биороботов, «универсальных слуг, солдат». Следует ли ждать грядущей «биопалеонтологической ретроэволюции» - восстановления из останков ископаемых насекомых, животных и человека, живших миллионы лет тому назад?

Можно, конечно, отнести такие прогнозы учёных к области *science fiction*, но, судя по экспериментам с клонированием и стволовыми клетками, ускорением обработки информации и получением новых веществ с заданными свойствами, необходимо рассчитывать антропологические перспективы «с поправкой» на экспоненциальное развитие новейших технологий и новых научных направлений. Например, Фукуяма достаточно либерально относится к идеям фундаментальных изменений человека, ссылаясь на то, что человек и так постоянно меняется в ходе эволюции. «В конце концов, сегодняшний человек как вид есть результат эволюционного процесса, который продолжается уже миллионы лет и ещё, даст Бог, столько же продолжится. И нет фиксированных свойств человека, помимо общей способности выбирать, какими мы хотим быть, и модифицировать себя в соответствии с нашими желаниями. И кто это нам сказал, что быть человеком и иметь достоинство – значит держаться набора эмоциональных реакций, возникших как побочный продукт эволюции? Таких понятий как биологическая семья, человеческая природа, или «нормальный» человек не существует, а если бы даже они и были, почему мы на них должны ориентироваться в вопросе, что является правильным и справедливым?» [9, с. 17]. Здесь существует, конечно, опасность «антропологического релятивизма», восходящая к протагоровской софистической формуле «человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют и несуществующих, что они не существуют». Действительно, для «человеческих качеств» нет «таблицы умножения».

Однако сейчас как никогда необходимы взвешенные решения относительно «дизайна» человека на генетическом уровне. Именно на базе осмысления результатов развития новых научных направлений и высоких технологий сформировались такие идейные комплексы как трансгуманизм, экстропианство, постгуманизм. Несмотря на их содержательные различия, можно выделить общие принципы их «антропологий». Ключевыми идеями являются: учение о трансбиоморфозе (перманентно проектируемых и управляемых фундаментальных изменениях физиологического и когнитивного плана человека) и учение о постчеловеческой цивилизации (обществе, основанном на приоритете телекоммуникационной связи и признании потребности / необходимости постоянного, ситуативного кардинального изменения тела и личности). Главные цели: развитие сверхчеловеческих физиологических, интеллектуальных, коммуникативных способностей. Одной из основных ценностей считается смелое и непрерывное экспериментирование во всех сферах телесной жизни. Личное бессмертие, любой дизайн тела, игнорирование изначальных природных физиологических параметров, отсутствие пиетета к традиционным «антропологическим» ценностям – весьма соблазнительны для поколения *next*. Интенсивные дискуссии о киборгах, андроидах, терминаторах, клонах, виртуальной реальности есть предвестие нового «большого антропологического поворота».

Постструктурализм и постмодернизм, подвергнув вековые социокультурные нормы и ценности беспощадной критике и деконструкции, дезавуировали «сущность» и «личность» человека, разрушив представления о константах его бытия в мире. Радикальные идеи, основанные на релятивизме по отношению к ценностям и традиционным социальным институтам, подготовили научное сообщество и общественное сознание к принятию той мысли, что поскольку в мультикультуральном мире «всё дозволено», то благодаря технологиям и «всё желаемое – возможно». Это реальный провокативный вызов «всем и каждому». Отсюда, следуя фукианскому дискурсу, постулирующему «эстетики существования», «техники себя», как способ подлинной самореализации, открывается возможность «переписать сознание» и «переделать тело». Альтернативой движению техноромантизма и технооптимизма в антропологии может быть неоконсерватизм, опирающийся, кроме всего прочего также на научное знание и новейшие технологии. Пока что мы наблюдаем только реакцию религиозного фундаментализма. Насколько эффективным в принципе будет «традиционалистское сопротивление» и возможное «технологическое торможение» покажут ближайшие годы. Одно ясно: что взаимоотношение и взаимодействие по линии «человек – техника» должно стать одной из центральных тем современной философской антропологии.

Выводы. Философская антропология в начале XXI века может и должна стать наиболее интересной и влиятельной междисциплинарной темой в связи с ускорением научно-технического прогресса, поскольку уже сам человек сегодня становится в большей степени объектом приложения высоких технологий, чем обладателем «суммы технологий».

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: 1989.
2. Горлов А. А. Биоэтика и будущее человечества // Вестник биоэтики и экологии. Том 1. № 1. 2003. – Симферополь. – КГМУ им. С. И. Георгиевского. – С. 6 – 19
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. – М., 1990.
4. Дэвис Дж. Монстры, карты, сигналы и коды // Логос, № 4, (55), 2006. Философско-литературный журнал. – С. 93 - 92.
5. Лазарев Ф. В., Литтл Б. А. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. – СОНАТ.- Симферополь. – 2001.
6. Проблема человека в современной западной философии. - Прогресс. – М.: 1988.
7. Смит Р. «Наука о человеке» и моральная философия: отношение фактов и ценностей // Сравнительная философия: Моральная философия в контексте многообразия культур. - М.: Вост. лит., 2004. – С. 19 - 32.
8. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – М., 1994.
9. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. -- АСТ. - М.: – 2004.
10. Цурр И. Усложнённые понятия о жизни: «Полуживые существа» // Логос, № 4, (55), 2006. Философско-литературный журнал. – С. 148 – 157.
11. Kurzweil R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. Viking Penguin, 2005.
12. Vinge V. The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era. // Доклад, прочитанный на симпозиуме VISION-21, который проводился Центром космических исследований NASA им. Льюиса и Аэрокосмическим институтом Огайо 30 - 31 марта 1993 года. <http://www-rohan.sdsu.edu/faculty/vinge/misc/singularity.html>

Буряк В.В. Людина в епоху високих технологій: біоестезис та перспективи психосоматичного дизайну

В наданій роботі поставлена проблема актуальності перспектив фундаментальних трансформацій людини як біологічного виду в зв'язку з експоненціальним розвитком високих технологій. Визначаються напрямки реалізації проекту «керованої еволюції» та подальшого радикального змінення біології, цінностей та образу людини, якими вони були сформовані в епоху модерну.

Ключові слова: людина, філософська антропологія, технологічна сингулярність, кіборг, біоестезис.

Буряк В.В. Human in hi-tech epoch: bioesthesia and prospects of psychosomatic design

The article focuses problem of actuality of prospects of fundamental transformation of humanity as biological species in connection with exponential development of high technologies.

There are trends of realization of project «dirigible evolution», and further radical changes of biology, values and even appearance of humanity.

Keywords: Human, philosophical anthropology, technological singularity, cyborg, bioesthesia.

Поступило в редакцію 11.09.2007